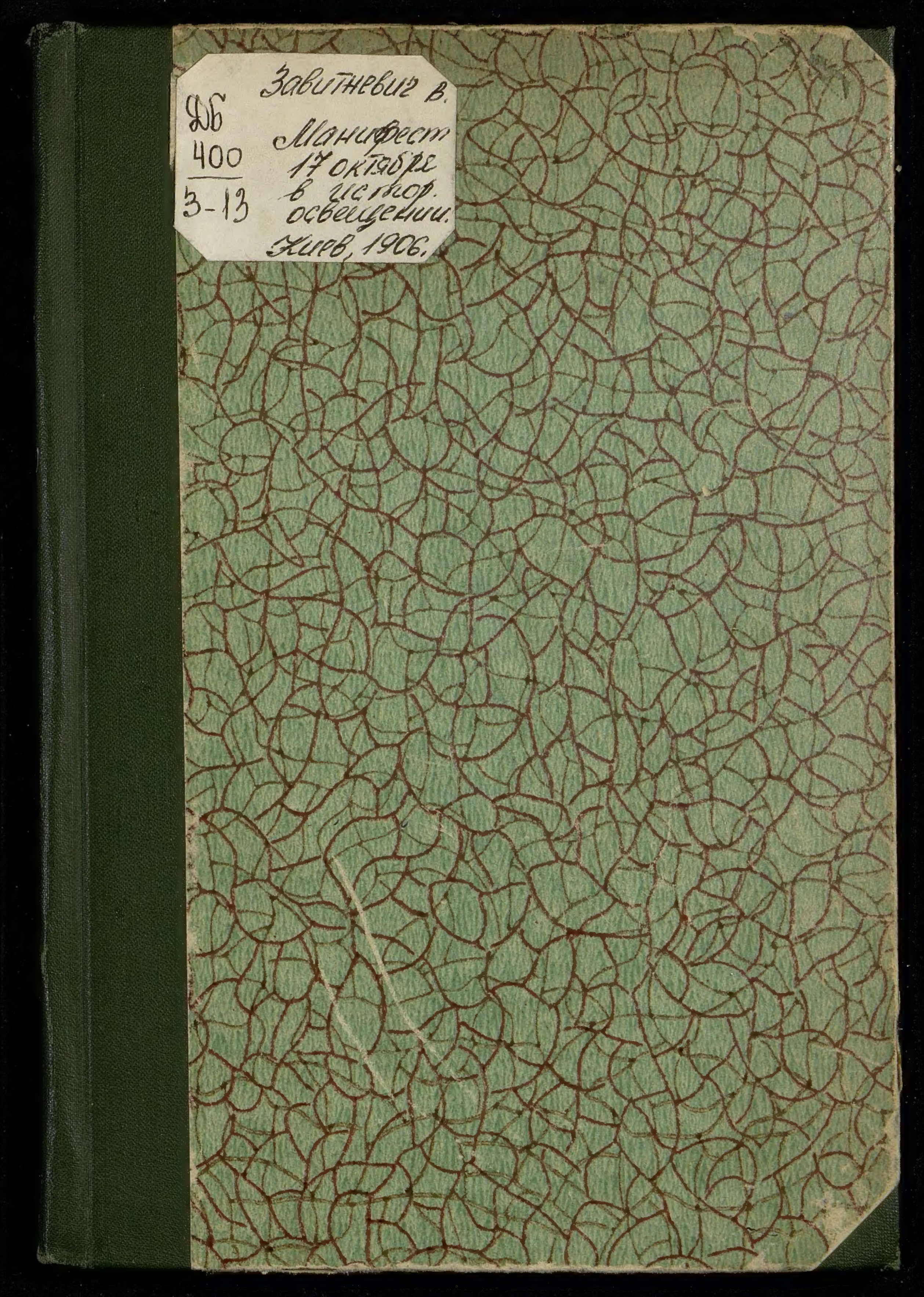
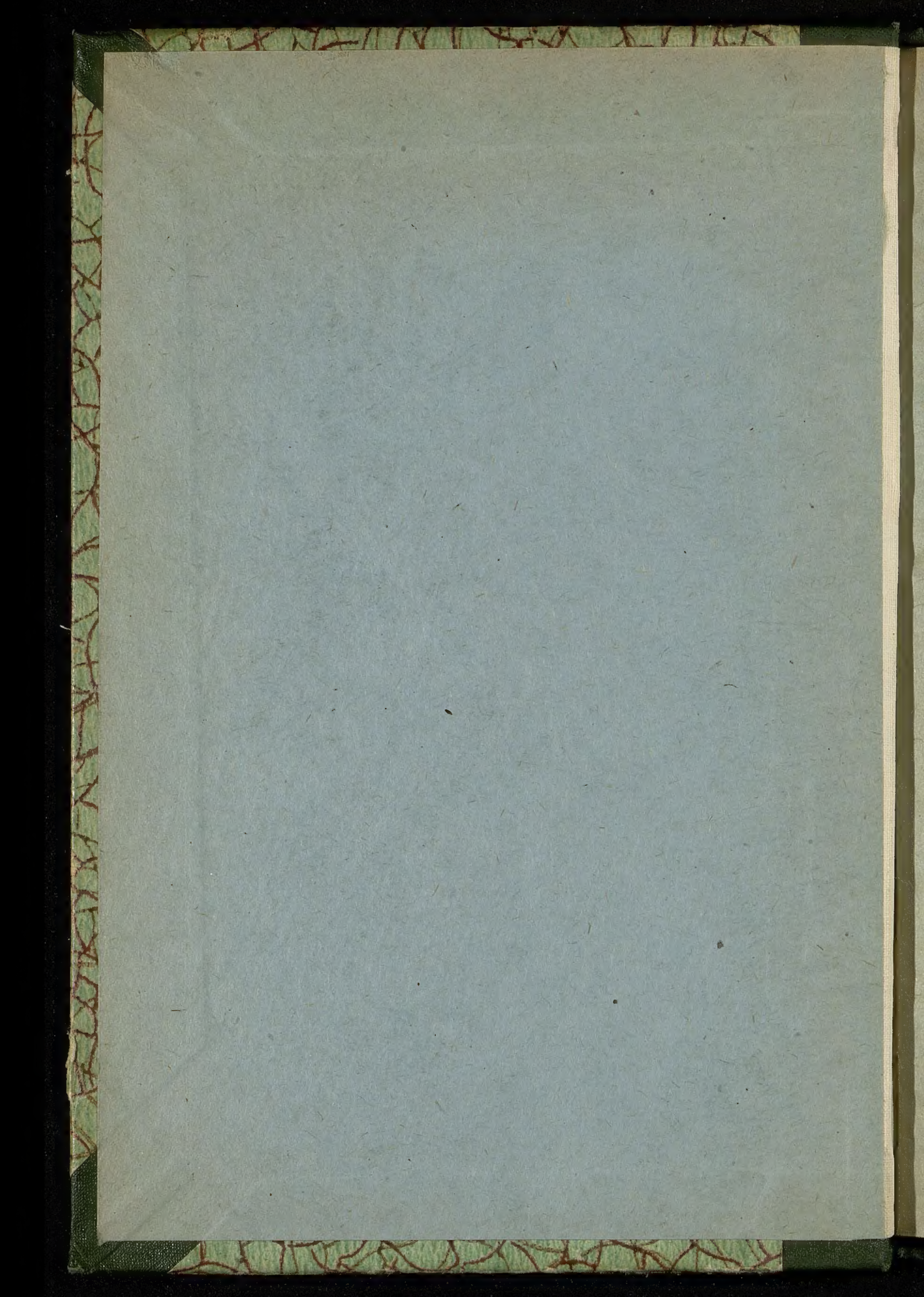

ДБ
400
3-13
Завитневич В.
Манифест
17 октября
в истор.
освещении.
Киев, 1906.

В. З. Завитневичъ.

Манифестъ 17 октября въ историческомъ освѣщенiи.

КIЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38.
1906.

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“
№ 2, 1906 г.

Манифестъ 17 октября въ историческомъ освѣщеніи.

Назрѣвшіе вопросы жизни неудержимо влекутъ наше отечество на путь реформъ, неотложная потребность которыхъ, давно сознанная передовою частью общества, въ послѣднее время стала сознаваться и правительствомъ. Одновременно съ этимъ, государству пришлось вести войну, потребовавшую чрезвычайнаго напряженія духовныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. Война кончилась, но нанесенныя ею государственному организму глубокія раны еще свѣжи и потребуется немало самаго тщательнаго ухода для ихъ излѣченія. Вытекающая отсюда трудность положенія осложняется нервнымъ настроеніемъ общества, которое, утративъ равновѣсіе душевныхъ силъ, рветъ и мечетъ, не сознавая того, что только ровная, покойная, вдумчивая и дружная работа всего культурнаго класса можетъ создать условія, при которыхъ правительство и общество, соединившись въ дружномъ трудѣ, въ состояніи будутъ съ успѣхомъ выполнить возложенную на нихъ исторіей не легкую задачу.

Нельзя сказать, чтобы состояніе, переживаемое Россіей въ наши дни, было безпримѣрнымъ въ ея исторіи. Еще болѣе тяжелое положеніе переживала она ровно триста лѣтъ тому назадъ, въ тяжкую годину лихолѣтья, когда, какъ казалось, всѣ государственно-общественные устои распатались, и когда внѣшній врагъ, проникнувъ въ нѣдра государства, свилъ гнѣздо въ самомъ ея сердцѣ. Казалось, что

многовѣковая работа Москвы рушилась въ самомъ ея основаніи. Но въ то время, какъ все внѣшнее рушилось, все колебалось, нерушимою, непоколебимою оставалась одна великая нравственная сила—это Церковь, крѣпкая въ своемъ единствѣ силою единой православной вѣры. Вотъ этой-то силы не могли поколебать враги русскаго народа, отъ нея то и пошло спасеніе московскаго государства.

Теперь не то. Сильный наплывъ въ наше общество въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ иностихійныхъ элементовъ, отрицательная работа раціонализма, внутренніе недуги самой Церкви, какъ общественнаго учрежденія,—все это до крайности ослабило силы послѣдней и не позволяетъ ей теперь выступить въ той роли, въ которой она такъ благотворно выступала въ историческомъ прошломъ. Чтобы церковный организмъ сталъ правильно функціонировать, чтобы его дремлющія силы могли проявить себя въ должной мѣрѣ, необходимо устранить тѣ причины, которыя развили въ немъ его настоящее болѣзненное худосочіе. Другими словами, Церковь, такъ же, какъ и государство, нуждается въ реформахъ.

Между тѣмъ движущаяся жизнь выдвинула рядъ и другихъ вопросовъ, требующихъ неотложнаго и серьезнаго къ себѣ вниманія; центральное мѣсто между ними безспорно принадлежитъ вопросамъ о реформѣ школы, объ усиленіи народнаго образованія, о развитіи экономическихъ силъ страны, объ умиротвореніи инородцевъ и т. д.

Назойливость, съ которою всѣ эти вопросы выступаютъ въ наше время, свидѣтельствуетъ не о томъ, чтобы русскому гражданину въ наши дни жилось хуже, чѣмъ когда-нибудь; знающій и вдумчивый историкъ никогда этого не скажетъ. Нѣтъ, сущность дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что всѣ недуги и недочеты нашей жизни, прежде слабо замѣчаемые, теперь широко освѣтились, благодаря росту общественнаго самосознанія, свѣтъ котораго сталъ проникать въ такіе уголки общественнаго организма, въ которыхъ раньше

царила тьма непроглядная. Тяжкая война, потребовавшая напряженія силъ, только отчетливѣе подчеркнула эти недуги и эти недочеты, а ея естественный при данныхъ условіяхъ ходъ, не оправдавшій ожиданія, взвинтилъ нервы и вызвалъ то броженіе силъ, которое мы теперь наблюдаемъ. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, болѣзненнымъ настроеніемъ общественнаго организма поспѣшили воспользоваться разнаго рода зловредные микробы, которые, пользуясь временно наступившимъ въ обществѣ замѣшательствомъ, выползли изъ своихъ темныхъ уголковъ и открыто начали свою разрушительную работу.

Таковъ фактъ, который каждый изъ насъ можетъ наблюдать своими глазами. Что же, слѣдуетъ ли намъ, въ виду такого положенія вещей, смущаться и приходить въ уныніе? Нисколько. Въ наши дни не происходитъ ничего такого, что бы много разъ, въ томъ или другомъ видѣ, не повторялось въ исторіи другихъ народовъ, и чего бы они не переживали въ процессѣ своего историческаго развитія. Переживетъ, конечно, настоящее свое состояніе и русскій народъ, полный нетронутыхъ, свѣжихъ, стихійныхъ силъ. Состояніе это нельзя не назвать болѣзненнымъ, но эта болѣзнь не къ смерти, а къ жизни: это болѣзнь обновленія. Тѣмъ не менѣе разъ фактъ болѣзни установленъ, то первая вытекающая отсюда задача состоитъ въ томъ, чтобы правильно поставить діагнозъ, который поможетъ опредѣлить вѣрное средство для борьбы съ недугомъ. Въ рѣшеніи этой задачи нашимъ обществомъ выказано рѣдкое единодушіе. Никто не сомнѣвается въ томъ, что главный источникъ зла, отъ котораго страдаетъ нашъ государственный организмъ, заключается въ проникновеніи послѣдняго началомъ *бюрократизма*. И это понятно. Зло, причиняемое системой бюрократизма, не исчерпывается тѣмъ, что она всякое живое дѣло мертвитъ своимъ формализмомъ, превращая, такъ сказать, жизнь въ чернила и бумагу. Зло это

имѣетъ болѣе глубокіе корни: сущность его состоитъ въ расхищеніи правъ Верховной власти представителями чиновной іерархіи, которые, не отдѣляя своей воли отъ воли Законодателя, свой личный произволъ стараются возводить въ законъ и, ревниво оберегая его, подъ предлогомъ яко бы спасенія основъ государственнаго строя, разрушаютъ начало законности въ самомъ его основаніи, убиваютъ всякую частную инициативу и вызываютъ даже въ консервативной части общества недовольство и раздраженіе. Такая ненормальность, допускаемая на верху лѣстницы чиновной іерархіи, проходя послѣдовательно сверху внизъ по всѣмъ ея ступенямъ, вездѣ подрываетъ начало законности и лишаетъ общество надежныхъ гарантій, обезпечивающихъ ходъ его свободнаго, естественнаго развитія. Здѣсь же причина и тѣхъ колоссальныхъ „хищеній", благодаря которымъ огромный государственный бюджетъ, расплываясь въ значительной своей части по карманамъ, расходуется мало производительно, не оставляя хоть сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ на улучшеніи народнаго благосостоянія. Предпріятіе, въ которомъ весь доходъ идетъ на исправленіе и смазку колесъ въ машинѣ, непремѣнно должно привести къ банкротству. То, что переживаетъ Россія въ наши дни, есть неотразимое доказательство такого именно банкротства государственной системы, основанной на началѣ бюрократизма.

Итакъ, источникъ зла, отъ котораго страдаетъ нашъ политическій организмъ, повидимому, открытъ, діагнозъ его болѣзни поставленъ вѣрно и твердо. Послѣ этого слѣдовало бы ожидать, что и средство для уврачеванія больного отыскать будетъ не трудно. Дѣйствительность же говоритъ, однакоже, нѣчто иное.

Необходимо прежде всего замѣтить, что огромное большинство нашего общества скорѣе чувствуетъ, чѣмъ сознаетъ серьезность и важность переживаемаго нынѣ момента и двигается за своими руководителями безъ яснаго пониманія

того, чего оно желаетъ, куда оно стремится. Конечно, люди, взявшіе на себя роль руководителей такъ называемаго освободительнаго движенія, въ большинствѣ случаевъ, отчетливо представляютъ то, чего они хотятъ и къ чему они стремятся. За то между ними замѣчается другое явленіе, не менѣе характерное для нашего общества: они разбились на партіи, съ дѣленіями и подраздѣленіями, и съ программами, рѣзко противоположными, нерѣдко исключающими одна другую. При этомъ у насъ оказалось возможнымъ дробленіе на партіи изъ за такихъ пустяковъ, о которыхъ люди политически зрѣлые стыдились бы говорить.

Впрочемъ, при всемъ сумбурѣ понятій, замѣчаемомъ въ политическихъ воззрѣніяхъ нашего общества, если оставить въ сторонѣ крайнія фракціи и классифицировать наши политическія партіи по самому коренному ихъ признаку, то въ ихъ направленіи легко подмѣтить два важнѣйшихъ теченія: въ интересахъ упрощенія терминологіи, представителей одного направленія назовемъ западниками—конституціоналистами, представителей другого—національ-прогрессистами.

Выходя изъ того положенія, что законы исторической жизни для всѣхъ народовъ одни и тѣ же, представители перваго направленія утверждаютъ: разъ сознано, что современныя формы нашей государственной жизни устарѣли и отжили свой вѣкъ, то Россіи ничего не остается, какъ обратиться къ своимъ болѣе зрѣлымъ западнымъ сосѣдямъ и позаимствовать любую изъ имѣющихся тамъ формъ. Самый же вопросъ о выборѣ формы политической жизни рѣшается неодинаково,—въ зависимости отъ степени радикализма отдѣльныхъ фракцій, на которыя распадается это направленіе. Выдвигая на первый планъ соціально экономическую сторону жизни, одни требуютъ демократической конституціи, другіе республики, третьи видвигаютъ знамя соціальной анархіи и т. д. Отрицательно относясь къ мысли о доминирующей роли въ государствѣ русской народности,

это же направленіе выдвинуло идею дробленія Россіи по народностямъ на отдѣльныя автономныя единицы, механически связанныя на началахъ федераціи.

Иначе подходятъ къ этому вопросу націоналъ-прогрессисты. Они не отрицаютъ того, что въ жизни всѣхъ народовъ земного шара есть много общаго, аналогичнаго; но это не мѣшаетъ каждому отдѣльному народу имѣть свои характерныя, ему одному принадлежащія, особенности, превращающія его въ особый культурно-историческій типъ, жизнь котораго строится на своихъ особыхъ устояхъ, по своимъ особымъ началамъ. А подъ началами жизни въ данномъ случаѣ они понимаютъ тѣ характерныя особенности душевнаго строя, благодаря которымъ, всѣ великіе народы исторіи, какъ, напримѣръ, древніе Евреи, Греки, Римляне, слагаясь въ особые культурно-историческіе типы, сообразно съ особенностями своего народнаго генія, оставляли послѣ себя въ наслѣдіе человѣчеству свое особое достояніе: Евреи, напр., свою неподражаемую религіозную литературу, Греки—философію и искусство, Римляне—право и т. д. Сообразно съ этимъ они утверждаютъ, что законъ исторической эволюціи, обусловливая процессъ постепеннаго, послѣдовательнаго движенія впередъ, не допускаетъ ни грубыхъ скачковъ, ни рѣзкихъ переворотовъ. Вотъ почему реформы общественнаго организма, какихъ бы областей жизни онѣ не касались, не должны совершаться, такъ сказать, въ воздухѣ, между небомъ и землею, а должны опираться на твердые, вѣками выработанные историческіе устои. Историческій процессъ они понимаютъ не въ смыслѣ замѣны однихъ началъ жизни другими, имъ противоположными, а въ смыслѣ развитія прежнихъ началъ путемъ пріисканія новыхъ формъ для ихъ болѣе свободнаго проявленія сообразно съ новыми потребностями вѣчно прогрессирующей жизни.

Народъ, какъ общественный организмъ, на каждой стадіи своего развитія имѣетъ свой особый бытъ, который,

будучи конкретнымъ выраженіемъ живущихъ въ обществѣ невидимыхъ и неосязаемыхъ началъ, служитъ той нормой, которой въ той или другой степени подчиняется каждая отдѣльная личность. Разрушьте сразу этотъ бытъ, и личность, не привыкшую подчиняться никакимъ другимъ нормамъ, вы легко можете толкнуть на путь случайностей и произвола, чѣмъ причините какъ ей самой, такъ и цѣлому обществу немало зла. Никакая мораль, никакія искусственно придуманныя правовыя нормы не замѣнятъ того, что создано самой жизнію и съ чѣмъ, такъ сказать, сжилась личность. Только естественный ростъ личности, начинающей сознательно критически относиться къ старымъ формамъ жизни, даетъ законное право на отмѣну послѣднихъ и на замѣну ихъ новыми формами. Но при этомъ необходимо помнить, что, насколько дѣло касается не одной логической мысли, а всего душевнаго строя народа, органически связаннаго съ цѣлымъ бытомъ, народная психологія не допускаетъ рѣзкихъ переходовъ изъ одного состоянія въ другое. Конечно, отдѣльная личность или даже небольшая группа лицъ, особенно подъ вліянемъ воздѣйствія извнѣ, рѣзко выдѣлившись изъ народнаго организма, могутъ стать въ отрицательное отношеніе не только къ формамъ его быта, но и къ самымъ началамъ, воплощающимся въ этихъ формахъ. Но реформаторъ допустилъ бы грубую ошибку, если бы, увлекшись вкусами горсти людей, задумалъ перестроивать по нимъ все огромное общественное зданіе.

Это положеніе, вѣрное вообще, особенно должно быть наблюдаемо при реорганизаціи такого огромнаго государственнаго зданія, каково наше Отечество. Совершенно естественно, что среди отдѣльныхъ общественныхъ группъ, особенно не принадлежащихъ по своему національному типу къ господствующей въ государствѣ народности, могутъ возникать теченія, несогласныя съ исторически выработаннымъ укладомъ жизни этой послѣдней. И Россія, какъ госу-

дарство, принявшее въ свои нѣдра множество разнообразныхъ народностей, не можетъ и не должна совершенно игнорировать ихъ національные интересы, какъ бы зачисляя ихъ въ разрядъ пасынковъ. Но, съ другой стороны, русскій народъ своимъ геніемъ, своимъ потомъ и кровію создавшій могущественное государство, на своихъ плечахъ вынесшій его въ тяжкія минуты историческихъ испытаній, въ свою очередь, не можетъ поступиться своими историческими устоями въ пользу народностей, не желающихъ вступить съ нимъ въ тѣсную органическую связь, —не можетъ хотя бы потому, что его жизненные устои, исторически оправданные, создали ему видное положеніе среди народовъ земного шара и этимъ доказали свою жизненную правоспособность.

Въ отвѣтъ на всѣ эти замѣчанія западники-конституціоналисты требуютъ опредѣлить характерные признаки устоевъ русской исторической жизни и указать, когда именно и въ чемъ они проявились. Иронизируя надъ своими противниками, они спрашиваютъ: когда же именно неизмѣнныя начала русской жизни доказали свою незыблемую твердость и устойчивость? Въ эпоху ли первыхъ Рюриковичей, когда верховная княжеская власть стояла въ чисто внѣшнемъ отношеніи къ землѣ, дробившейся на отдѣльныя племенныя общины, изъ которыхъ каждая жила своею особою жизнію? Во времена ли удѣльно-вѣчевого уклада, когда князь вынужденъ былъ права своей верховной власти дѣлить съ народнымъ вѣчемъ? Въ эпоху ли первыхъ московскихъ Самодержцевъ, характерныя особенности которыхъ кристаллизовались въ личности Ивана Грознаго, совмѣстившаго въ себѣ начало византійскаго абсолютизма съ типичными особенностями азіатскаго деспотизма? При первыхъ ли Романовыхъ, когда, на ряду съ самодержавнымъ государемъ, могъ существовать земскій соборъ, состоявшій изъ свободно выборныхъ отъ народа и принимавшій участіе во всѣхъ важнѣйшихъ функціяхъ государственной жизни? Въ эпоху ли Петра В.,

порвавшаго связь съ народомъ и насадившаго у насъ начало европейскаго абсолютизма? Въ какой же именно изъ этихъ моментовъ русскій народъ проявилъ свою самобытность, свои характерныя особенности, которыя можно было бы назвать незыблемыми началами его жизни?

Нельзя сказать, чтобы со стороны національ-прогрессистовъ не сдѣлано было попытки ослабить силу возраженія, заключающагося въ такой постановкѣ вопроса. Но нужно сознаться, что все, появлявшееся въ печати по этому вопросу, никого не удовлетворило; не удовлетворило потому, что всѣ эти попытки не выходили за предѣлы общихъ сужденій о твердости и незыблемости нашихъ историческихъ устоевъ. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что если этотъ споръ можетъ быть разрѣшенъ, то только на исторической основѣ. Было бы грубой ошибкой относиться пренебрежительно къ указаніямъ, выработаннымъ историческимъ опытомъ другихъ народовъ; но было бы еще большею ошибкою пренебрегать опытомъ родной исторіи, которая, по совершенно вѣрному замѣчанію Карамзина, есть изъясненіе настоящаго и примѣръ будущему. Что же говоритъ намъ наша исторія по этому вопросу?

Легко замѣтить, что при выше указанной, болѣе, впрочемъ, кажущейся пестротѣ въ смѣнѣ явленій нашего историческаго прошлаго, правильное рѣшеніе поставленнаго вопроса всецѣло зависитъ отъ умѣнія установить точку отправленія, выходя изъ которой, можно было бы опредѣлить то руководящее начало, которымъ двигалась политическая жизнь нашего народа. Такой точки отправленія всего естественнѣе, конечно, искать въ исторіи до-Петровской, когда жизнь русскаго народа свободно направлялась его здоровымъ инстинктомъ, не подвергаясь насильственному воздѣйствію извнѣ. Намъ думается, что положеніе вдумчиваго историка въ этомъ случаѣ не можетъ быть признано особенно труднымъ. Въ нашемъ историческомъ прошломъ есть моментъ, когда рус-

скій народъ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый, поставленъ былъ въ исключительно благопріятныя обстоятельства для свободнаго проявленія своего политическаго идеала. Имѣемъ въ виду время непосредственно слѣдовавшее послѣ прекращенія великой Московской смуты. Наступившая въ началѣ XVII-го вѣка на Руси разруха, уничтожила, какъ тогда казалось, всю вѣковую работу Москвы. Послѣ насильственнаго низложенія съ престола трехъ царей (Θеодора Борисовича, Самозванца и Василія Ивановича Шуйскаго), Русь осталась безъ государя и безъ правительства, потому что заключенная въ Кремлѣ съ поляками боярская дума, особенно послѣ смерти патріарха Гермогена, потеряла въ глазахъ народа всякій авторитетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ городскія общины, какъ бы воскресивъ свои старыя вѣчевыя традиціи, зажили отдѣльною самобытною жизнію. При такихъ обстоятельствахъ, собравшіеся на избирательный земскій соборъ выборные отъ земли люди имѣли полную возможность установить такую форму правленія, которая больше всего соотвѣтствовала ихъ политическому идеалу, и такая форма дѣствительно была установлена. Что же это за форма?

Во главѣ государства, въ роли высшаго его представителя, стоитъ Царь, именуемый Самодержцемъ; рядомъ съ нимъ видимъ боярскую думу, которая составляется изъ высшихъ чиновъ въ государствѣ и расширяется, въ случаѣ нужды, въ цѣлый земскій соборъ изъ выборныхъ отъ разныхъ чиновъ государства вплоть до крестьянъ включительно. Особенность этого строя заключается въ своеобразномъ отношеніи самодержавнаго Царя къ Боярской думѣ и Земскому Собору. Для поверхностнаго наблюдателя, московскій Самодержецъ обладалъ всѣми прерогативами западно-европейскаго абсолютнаго монарха; этому, повидимому, соотвѣтствовала и созданная книжниками идеологія, по которой русскій государь являлся намѣстникомъ Божіимъ на землѣ, непосредственно вдохновляемымъ свыше. Всматриваясь въ

отношеніе подданныхъ къ Царю, мы дѣйствительно, при нормальномъ теченіи жизни (о бунтахъ не говоримъ), не можемъ представить себѣ существованія въ Московскомъ Государствѣ чего-нибудь похожаго на политическую оппозицію, которая могла бы оказать активное сопротивленіе волѣ Государя. Если бы такая оппозиція и возникла, она буквально стерта была бы съ лица земли народной массой, которая никогда не помирилась бы съ фактомъ насилія надъ волей помазанника Божія. Такова психологія эпохи. Въ тогдашнемъ Московскомъ Государствѣ можно представить себѣ временщика или даже цѣлую группу сплотившихся лицъ, овладѣвшихъ волею слабаго Государя и направляющихъ ее сообразно съ своими видами и цѣлями, но нельзя представить себѣ политической оппозиціи, въ нашемъ смыслѣ слова, которая, при нормальномъ теченіи жизни, вступила бы въ открытую борьбу съ Государемъ хоть съ малѣйшей надеждой на успѣхъ. Такая оппозиція не встрѣтила бы поддержки ни въ простомъ народѣ, ни въ служиломъ классѣ, ни даже въ боярствѣ, разбитомъ системой мѣстничества на партіи, а потому неспособномъ къ организаціи. Судьба „записи", взятой, повидимому, боярами въ интересахъ огражденія своихъ правъ, съ Михаила Ѳеодоровича, но не оставившей слѣда въ исторіи, можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли.

Но если воля московскаго Самодержца не встрѣчала себѣ активнаго противодѣйствія въ народѣ, то, съ другой стороны, она окружена была такой нравственной атмосферой, которая крайне не благопріятствовала развитію въ ней наклонностей къ абсолютизму. Это обусловливалось и господствовавшими въ народѣ понятіями и прямыми практическими выгодами самого Государя.

Необходимо прежде всего напомнить, что идея византійскаго автократизма, при ея перенесеніи на Русь, встрѣтила здѣсь почву не совсѣмъ благопріятную для ея насажденія

во всемъ своемъ объемѣ; абсолютизмъ византійской императорской власти, хотя проповѣдывался нѣкоторыми книжниками, но не встрѣтилъ для себя поддержки въ общемъ настроеніи мыслей и чувствъ русскаго народа. „Византійская идея царской власти, совершенно вѣрно замѣчаетъ В. И. Савва, при перенесеніи ея на русскую почву и при примѣненіи ея къ русской жизни, измѣнилась соотвѣтственно особому строю русской жизни и особому умственному и нравственному направленію ея и это измѣненіе отразилось и на церковно придворныхъ обрядахъ византійскаго двора, насажденныхъ въ Москвѣ... Различіе въ идеяхъ власти московскаго Царя и византійскаго императора, наглядно выражающееся въ церковно-гражданскихъ обрядахъ, весьма значительно. Въ Византіи обряды эти выражали особое положеніе императора въ церкви, какъ царя всѣхъ христіанъ, въ Москвѣ же въ этихъ обрядахъ выражалась не столько высота власти царя, какъ русскаго государя, сколько *глубина его благочестія*. Въ Византіи въ этихъ обрядахъ императоръ на первомъ планѣ, особенно въ обрядѣ, который совершался въ недѣлю Вай: онъ затемняетъ даже патріарха; въ Москвѣ, наоборотъ—въ тѣни смиренная фигура царя. И народъ русскій, видя царя своего въ церковно-гражданскихъ обрядахъ, скорѣе видѣлъ глубину его смиренія, чѣмъ высоту сана" (Московскіе цари и Византійскіе Василевсы, стр. 103—104). Религіозное смиреніе русскаго народа высоко поднимало Царя Небеснаго надъ царемъ земнымъ; воля перваго одинаково священна была и для государя и для народа, и хотя русскій народъ и вѣрилъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей, но, во-первыхъ, эту свою вѣру онъ обусловливалъ личнымъ благочестіемъ царя: „Занеже, по народному вѣрованію, за царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнитъ". Во-вторыхъ, и это самое главное, въ силу своеобразнаго пониманія у насъ теократической идеи, органомъ проявленія воли Божіей среди людей, по народному воззрѣнію, была не

столько единичная воля государя, сколько соборная воля всего народа, дѣйствующаго въ согласіи съ волей государя. Въ извѣстной утвержденной грамотѣ объ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича прямо выдвигается мысль, что „гласъ Божій гласъ народа“. Сообразно съ этимъ, объ избраніи этого государя говорится, что его обрали „по *даннеі благодати от Святого Духа,* вси во единомысліе совокупишеся, и утвердишеся во Христѣ вѣрою“... вотъ почему въ Окружной граммотѣ Московскаго земскаго собора, отъ 25 февраля 1613 г., объ избраніи того же государя говорится, что онъ избранъ „ни по чьему заводу и крамолѣ, Богъ его Государя на такой великій Царскій престолъ избралъ, мимо всѣхъ людей, по своей неизреченной милости, и всѣмъ людямъ о его царскомъ обираньи *Богъ въ сердца вложилъ едину мысль и утвержденіе*“.

Въ этомъ взглядѣ нельзя не признать вліянія Церкви, видящей въ соборѣ органъ проявленія Духа Божія. Но потому-то этотъ взглядъ Церкви и привился въ чуждой ей политической сферѣ, что здѣсь онъ встрѣтилъ вполнѣ благопріятную почву. Недовѣріе къ уму личному и вѣра въ коллективный разумъ общины, исконная на Руси, не исчезла у насъ съ прекращеніемъ въ городахъ вѣча. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить воскресеніе вѣчевыхъ традицій въ городахъ въ смутное время, когда, съ прекращеніемъ функцій центральной правительственной власти, городскія общины проявили самодѣятельность, напоминавшую времена удѣльно-вѣчевого уклада. Фактъ этотъ не можетъ поражать историка своею неожиданностью. Дѣло въ томъ, что хотя къ концу XV и началу XVI в. (послѣднимъ законнымъ вѣчемъ можетъ считаться Псковское вѣче 1510 г.) вѣча и замолкли въ городахъ; но съ прекращеніемъ ихъ политическаго значенія не прекратилось ихъ значеніе соціально-экономическое: вѣчевое начало, какъ извѣстно, со всею свѣжестью продолжало проявляться въ жизни сельской

общины. Этого мало. Если вѣче, какъ органъ выраженія народной воли въ дѣлахъ политическихъ, замолкло въ городахъ и потеряло свое прежнее значеніе, то этого значенія не утралило другое высшее правительственное учрежденіе— *Боярская Дума.* Завѣщаніе дѣтямъ Димитрія Донского— „бояре своя любите..., безъ воли ихъ ничтоже не творите“ — указываетъ ту норму, проявленіе которой, по крайней мѣрѣ въ сферѣ законодательной, можно прослѣдить во всемъ ходѣ дальнѣйшей исторіи. „Понятіе о законѣ“, говоритъ извѣстный нашъ знатокъ исторіи Русскаго права, проф. Владимірскій-Будановъ, какъ результатѣ нераздѣльной дѣятельности царя и думы, доказывается всею исторіею законодательства въ Московскомъ государствѣ; Судебникъ 1497 г. „уложилъ князь съ дѣтьми своими и бояры“; Судебникъ царскій изданъ царемъ „съ своею братьею и съ бояры“. Въ царствованіе Грознаго большинство законовъ носитъ обычную формулу: уложилъ (царь) со всѣми бояры... Уложеніе 1649 г. законодательными источниками своими признавало: государевы и боярскіе приговоры. Общая государственная формула была такова: „государь указалъ и бояре приговорили“ (Обз. Истор. Р. Пр., изд. 2, стр. 161). Вотъ почему, когда нѣкоторые изъ первыхъ московскихъ самодержцевъ, вообразивъ себя наслѣдниками византійскихъ императоровъ и золото-ордынскихъ хановъ, пропагандируя идею абсолютизма, стали было дѣла государственной важности рѣшать „самъ третей у постели“, въ обществѣ послышался протестъ противъ этого нововведенія. „Царю, писалъ инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, достоитъ непростовати, со совѣтниками совѣтъ совѣщати о всякомъ дѣлѣ, съ бояры о всемъ совѣтовати, крѣпко-накрѣпко думати“. Извѣстный князь Андрей Курбскій идетъ дальше въ своихъ требованіяхъ. Онъ утверждаетъ, что Царь долженъ искать совѣта не только у своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, но и „у всенародныхъ человѣкъ“. А авторъ „Бесѣды Валаамскихъ Чудотворцевъ“, памятника по-

ловины XVI в., выступаетъ уже съ цѣлымъ проектомъ земскаго собора; по этому проекту государь долженъ созвать „вселенскій совѣтъ отъ всѣхъ городовъ и отъ уѣздовъ“ съ цѣлью—„да вѣдомо будетъ царю самому про все всегда“ и чтобы „скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы, и приказные люди, и приближенныхъ своихъ отъ поминка, отъ посулъ и отъ всякія неправды“. Конечно, общеземскій соборъ не то, что городское вѣче. Но, отличаясь отъ послѣдняго по формѣ, онъ является тожественнымъ съ нимъ по идеѣ: тамъ и здѣсь голосъ народа, въ формѣ ли общенароднаго вѣча, или въ формѣ собранія только выборныхъ отъ всей земли, признается существеннымъ элементомъ правительственной власти. Идея эта, повидимому, не чужда была и самому Ивану Грозному, по крайней мѣрѣ въ первую половину его царствованія. Во всякомъ случаѣ, созванный имъ первый земскій соборъ для примиренія правительства съ землею, показываетъ, что онъ не совсѣмъ безразлично относился къ мнѣнію послѣдней. Въ иномъ видѣ выступаетъ Грозный во вторую половину своего царствованія, въ эпоху опричины. Если въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ является автократоромъ въ духѣ византійскаго абсолютизма, то въ опричинѣ и въ казняхъ бояръ онъ выступаетъ настоящимъ азіатскимъ деспотомъ въ духѣ татарскаго варварства. Оба эти вліянія сдѣлали у насъ свое дѣло и нашли въ особенностяхъ личности Грознаго блестящія условія для своего проявленія. Но составъ дружины опричниковъ, не превосходившей своею численностію нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и существованіе на ряду съ опричиною земщины съ самостоятельнымъ правительствомъ, имѣвшимъ временно даже отдѣльнаго царя (Симеона Бекбулатовича) и построенномъ на иномъ началѣ, чѣмъ опричина, наконецъ, дальнѣйшая судьба опричины, исчезнувшей безъ ея оффиціальнаго уничтоженія,—все это показываетъ, что византійско-татарскій абсолютизмъ Грознаго не нашелъ въ русскомъ народѣ

надежной опоры. Если въ тяжбѣ царя съ боярами низшіе классы столицы оказались на сторонѣ перваго, то это произошло отъ того, что, во-первыхъ, своимъ поведеніемъ въ малолѣтство Грознаго бояре сильно дискредитировали себя въ глазахъ народа, чѣмъ съ успѣхомъ воспользовался царь въ своихъ счетахъ съ ними; во-вторыхъ, Грозный при всякомъ удобномъ случаѣ публично подчеркивалъ ту мысль, что онъ казнитъ бояръ не за то, что они отстаиваютъ право совѣта въ интересахъ блага земли, а за измѣну; въ-третьихъ, идея царя, какъ воплощеніе государственнаго единства и твердой правительственной власти, послѣ всего того, что страна претерпѣла въ прошломъ, эта идея слишкомъ дорога была для народа, чтобы онъ могъ поступиться ею въ угоду высшаго класса, хотя бы этотъ классъ страдалъ и невинно. Здѣсь, конечно, необходимо искать объясненія и того, почему народъ ограничился лишь молчаливымъ протестомъ противъ грубаго насилія царя надъ святителемъ Филиппомъ, явившимся чистымъ отображеніемъ народной совѣсти. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, фактъ тотъ, что Грозный съ опричиной, совмѣстившей въ себѣ нравственныя подонки общества, оказался, такъ сказать, въ меньшинствѣ; земля не поступилась ни своими нравственными устоями, ни своею политическою свободою и въ опричину не пошла, хотя ограничилась молчаливымъ противъ нея протестомъ. Революція не въ духѣ русскаго народа.

Неудача затѣи Грознаго скоро обнаружилась. Его опричина, основанная на началѣ азіатскаго деспотизма, сама собою исчезла безслѣдно, незамѣтно распустившись, такъ сказать, въ чуждой ей по духу атмосферѣ земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣками взлелѣянный политическій идеалъ русскаго народа скоро отыскалъ для себя соотвѣтствующую форму, которая заговорила о себѣ уже при его сынѣ и преемникѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ слѣдующій фактъ. Когда Польско-Литовское посольство

во главѣ съ Гарабурдою подняло въ Москвѣ вопросъ о заключеніи вѣчнаго мира, наши бояре отвѣтили: „это дѣло великое для всего христіанства, государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею землею, сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и его всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею". Для польско-литовскихъ пословъ, знакомыхъ съ тѣмъ, что творилось у насъ при Грозномъ, это заявленіе показалось настолько неестественнымъ, что они не повѣрили искренности бояръ. А между тѣмъ это былъ несомнѣнный фактъ: наступило время, когда движущее начало нашей государственной жизни, временно затертое неблагопріятно для него сложившимися обстоятельствами, теперь по минованіи ихъ, опять вступало въ свои права. Пока шелъ процессъ объединенія отдѣльныхъ волостей, объединенія, которое не могло обойтись безъ нѣкотораго насилія и, слѣдовательно, недовольства со стороны объединяемыхъ, центральное правительство не могло относиться къ нимъ съ особымъ довѣріемъ. Вотъ это то недовѣріе, подъ воздѣйствіемъ иноземнаго, византійско-татарскаго вліянія, проявившись въ болѣзненной формѣ, и создало „волчью голову" Ивана Грознаго, самымъ крупнымъ проявленіемъ ярости котораго былъ разгромъ вольно-любиваго Новгорода. Но вслѣдъ за этимъ сильнымъ болѣзненнымъ припадкомъ наступила реакція. Временно подавленное иноземной стихіей, свое родное начало взяло верхъ, и на развалинахъ принесенной въ жертву государственнаго единства областной самобытности послышался свободный голосъ объединенной земли. Конечно, историческая жизнь въ ея сложномъ процессѣ совершается не такъ легко и просто, какъ это можетъ казаться для наблюдающей ее издали мысли. Многіе явленія и факты пережитой эпохи, сыгравшіе въ свое время положительную роль въ творческомъ процессѣ, показали теперь свою отрицательную сторону, которая временно приняла даже разрушающій ха-

рактеръ; абсолютизмъ власти, напр., перешелъ въ смутное время въ полный анархизмъ. Но когда молодой, богатый силами, народный организмъ освободился отъ постигшей его болѣзни, онъ явился міру въ существенно обновленномъ видѣ. Отъ опричины Грознаго, составлявшей средостѣніе между царемъ и народомъ, теперь не осталось и слѣда: добывшій не съ бою, но получившій изъ рукъ свободной, никѣмъ и ничѣмъ неограничиваемой земли, полноту власти, царь, не стѣсняемый теперь никакимъ средостѣніемъ, оказался въ непосредственномъ общеніи съ своимъ народомъ, удержавшимъ за собою исконнее свое право свободы мнѣнія и активнаго участія въ правительственныхъ дѣлахъ по призыву государя. Органомъ проявленія народной воли является теперь земскій соборъ, созываемый царемъ по мѣрѣ нужды. При установившемся полномъ довѣріи между царемъ и народомъ и при слабомъ развитіи у насъ формально-юридическаго начала, время созыва, составъ, права и обязанности земскаго собора точно не были формулированы. Но если имѣть въ виду научный матеріалъ, относящійся къ фактической сторонѣ земскихъ соборовъ, то изъ него можно извлечь слѣдующіе выводы. Въ соборѣ, подъ предсѣдательствомъ царя, по волѣ котораго онъ собирался и распускался, участвовали: боярская дума, освященный соборъ и свободно выборные отъ всѣхъ чиновъ государства до крестьянъ включительно (не всегда). Созванный въ этомъ своемъ составѣ, земскій соборъ являлся высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, вѣдѣнію котораго подлежали: внѣшняя политика, т. е. установленіе отношеній къ сосѣднимъ государствамъ, слѣдовательно, объявленіе войны и заключеніе мира, финансы, законодательство, а чрезъ послѣднее—судъ и администрація. Что касается степени активности, которая проявлялась выборными отъ земли на соборахъ, то она была неодинакова: въ однихъ случаяхъ они держатъ себя совершенно пассивно, высказывая лишь свое мнѣніе, предоставляя окончательное

рѣшеніе вопроса самому государю; въ другихъ случаяхъ выборные наводятъ критику на дѣйствія правительства (соборъ 1642 г.) и свои жалобы заканчиваютъ мотивированной просьбой (соборъ 1634 г.); въ третьихъ случаяхъ они принимаютъ участіе въ самой разработкѣ соборныхъ опредѣленій (соборъ 1848—49 г.) и санкцируютъ постановленія своею подписью. Сообразно съ этимъ и въ проявленіи правъ земскихъ соборовъ по отношенію къ правамъ царской власти замѣчается какъ бы колебаніе: земскій соборъ является то чѣмъ то въ родѣ совѣщательнаго учрежденія при неограниченной царской власти, то онъ, на ряду съ боярской думой и освященнымъ соборомъ, составляетъ необходимый элементъ высшей правительственной власти. На основаніи имѣющихся въ настоящее время въ распоряженіи науки данныхъ можно однако же съ положительною увѣренностью утверждать, что послѣдняя роль земскихъ соборовъ въ XVII вѣкѣ была преобладающею. Не говоря уже о соборахъ трехъ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, когда за распоряженіями собора царская власть была почти незамѣтна, и на позднѣйшихъ соборахъ, какъ видно изъ формулировки ихъ опредѣленій, голосъ выборныхъ отъ земли сливается въ одной гармоніи съ голосомъ царскимъ, какъ двѣ части одного нераздѣльнаго цѣлаго. Такъ соборъ 1648—49 г. созывается для того, „чтобы царственное и земское дѣло со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставить, чтобы всѣ тѣ великія дѣла по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенію впредь были ничѣмъ нерушимы“. Ясно, что здѣсь голосъ царя и голосъ собора выступаетъ какъ два равноправные члены логическаго дѣленія. Съ такою же приблизительно формулировкою встрѣчаемся и въ постановленіи собора 1637 г.: „мы, великій государь, приговорили на соборѣ съ патріархомъ и съ властьми, и съ бояре и со всякими чинми людми“. Доминирующее значеніе царя на соборѣ несомнѣнно, но точно опредѣлить, гдѣ въ

данномъ случаѣ оканчивается дѣйствіе царской власти и гдѣ начинается воля остальныхъ членовъ собора, трудно. Если бы непремѣнно потребовалось точно разграничить ихъ роли, то это можно было бы сдѣлать такъ: царь, не предрѣшая того или другого вопроса, предлагалъ собору заняться его разсмотрѣніемъ; члены собора свободно изслѣдовали этотъ вопросъ, высказывали свое мнѣніе и затѣмъ дѣлалось общее постановленіе, которое обнародывалось не въ формѣ царскаго повелѣнія (указа или манифеста), а какъ коллективное опредѣленіе всего собора, служившаго въ такомъ случаѣ проявленіемъ воли всей земли. Сообразно съ этимъ, актъ собора скрѣплялся не только царскою печатью, но и печатями или подписями по возможности всѣхъ членовъ собора. Вотъ почему нельзя утверждать, чтобы выборнымъ отъ земли принадлежало только право „силы мнѣнія"; соборъ былъ органомъ высшей правительственной власти, а выборные отъ земли составляли его необходимый элементъ. Вообще, мы охотно подписались бы подъ слѣдующимъ опредѣленіемъ правъ земскаго собора проф. Владимирскаго-Буданова,— опредѣленіемъ, которое, по нашему мнѣнію, является единственно вѣрнымъ выводомъ изъ имѣющихся въ распоряженіи науки данныхъ: „По отношенію правъ соборовъ къ правамъ власти царя и думы нельзя именовать соборы ни совѣщательными, ни законодательными учрежденіями; соборъ есть учрежденіе, нераздѣльное съ двумя первыми властями; рѣшенія его или принадлежали только ему съ думою боярскою (соборы избирательные и соборъ 1613 г. въ безгосударное время), или слагались изъ мнѣній собора и думы и воли царя; всѣ эти власти входили въ составъ собора".

То обстоятельство, что земскій соборъ не былъ постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ, какъ бы показываетъ, что царь могъ осуществлять всѣ функціи верховной власти самъ, не обращаясь къ собору, который является какъ бы нѣкоторою роскошью, чѣмъ то не суще-

ственно важнымъ, безъ чего можно было обойтись. Конечно, формально-юридически никто не могъ принудить царя къ созыву собора; для этого не было у насъ ни соотвѣтствующаго установленія, ни такой власти, которая могла бы слѣдить за исполненіемъ послѣдняго; но на дѣлѣ было не такъ. Въ народѣ господствовало всеобщее убѣжденіе, что, когда жизнь выдвигала „великое дѣло для всего христіанства", государю было „надобно совѣтоваться объ немъ со всею землею": „такого дѣла рѣшить безъ совѣту всего государства нельзя ни по одной статьѣ". И это понятно: земля была та единственная сила, на которую онъ могъ опереться и которая могла оказать ему матеріальную и нравственную поддержку. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это было безусловно необходимо. Едва ли, напр., можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что если бы Борисъ Годуновъ, при первыхъ слухахъ о самозванцѣ, вмѣсто того, чтобы полагаться на свои хитрыя дипломатическія измышленія, искренно отдалъ дѣло на судъ присягавшаго и многимъ обязаннаго ему народа, то затѣя самозваннаго врага его и его династіи разбилась бы о голосъ народной совѣсти, еще не расшатанной кознями внутреннихъ враговъ Бориса. Съ другой стороны, у московскаго царя, при нормальномъ ходѣ событій, не было основанія относиться къ землѣ съ недовѣріемъ, ибо его власть не была добыта силою, не была узурпирована у народа; она создана была естественнымъ ходомъ событій при отчетливомъ сознаніи народомъ ея плодотворнаго значенія для жизни и къ тому же получила высшее религіозное освященіе. Для того, чтобы народъ сталъ во враждебное отношеніе къ своему царю, необходимо было, чтобы отъ послѣдняго отошелъ тотъ свѣтлый ореолъ, какимъ окружило его народное воображеніе. При національной одностихійности московскаго государства и глубокой религіозности народа, русскіе люди отъ своего царя прежде всего требовали, чтобы онъ былъ вѣренъ своей народности, православію и вообще благочестію.

При наличности этихъ качествъ они легко могли примириться со всякими недостатками въ государѣ. Вотъ почему, для того, чтобы оправдать въ глазахъ народа низложеніе Самозванца, заговорщики должны были объявить его „злымъ еретикомъ“ и потаковникомъ иноземцамъ; чтобы оправдать низложеніе В. И. Шуйскаго, враждебная ему партія объявила его „несчастливымъ“, т. е. лишеннымъ милости Божіей. О слабоумномъ Ѳеодорѣ Ивановичѣ народъ сохранилъ самыя лучшія воспоминанія, потому что цѣнилъ въ немъ благочестіе, а отъ геніальнаго Петра народъ, назвавъ его нѣмцемъ и антихристомъ, отвернулся, потому что призналъ въ немъ измѣнника вѣрѣ и народности.

Чтобы еще отчетливѣе понять характеръ отношенія у насъ между царемъ и народомъ, необходимо ясно представить себѣ различіе условій, при которыхъ права верховной власти вырабатывались на Западѣ и у насъ. Вспомнимъ, какимъ грубымъ насиліемъ сопровождался на Западѣ переходъ отъ системы средне-вѣкового феодализма къ системѣ позднѣйшаго абсолютизма. Сколько только одинъ основатель династіи Габсбурговъ разрушилъ замковъ и вздернулъ на висѣлицу рыцарей. Вспомнимъ далѣе, путемъ какихъ кровавыхъ революцій новѣйшая Европа разрушила начало стараго абсолютизма и создала современный намъ государственный строй. Можно-ли что-нибудь аналогичное отыскать въ нашей исторіи? Переходъ удѣльно-вѣчевого уклада въ строй московскаго единодержавія и самодержавія и, затѣмъ, отъ опричины Грознаго къ системѣ непосредственнаго общенія царя съ народомъ совершился такъ мирно и, такъ сказать, естественно, что историкъ рѣшительно не можетъ указать у насъ чего-нибудь аналогичнаго съ тѣмъ, что происходило въ Европѣ. Болѣзненные припадки Грознаго не могутъ быть въ этомъ случаѣ принимаемы во вниманіе, такъ какъ они къ нашему самодержавію ничего не прибавили и вообще были безцѣльны и безсмысленны.

Конечно, и у насъ дѣло не обходилось безъ народныхъ волненій и столкновеній съ верховною властью. Но характеръ этихъ инцидентовъ лучше всего показываетъ ихъ различіе отъ аналогичныхъ явленій на Западѣ. Такъ въ 1648 г., возмущенный злоупотребленіемъ чиновниковъ, народъ поднялъ въ Москвѣ бунтъ и потребовалъ отъ царя выдачи на казнь Плещеева, Траханіотова и царскаго любимца Морозова. Два первые были выданы; но народъ не унимался. Тогда царь не побоялся самъ лично явиться среди народа и, умоляя толпу не требовать Морозова, какъ дорогого для него лично человѣка, прослезился. Царская слеза произвела магическое дѣйствіе и оказалась сильнѣе всякаго оружія: бунтъ перешелъ въ патріотическую манифестацію въ честь Государя. Еще характернѣе фактъ имѣлъ мѣсто въ 1610 г., при низложеніи Шуйскаго. 17 іюля, на народномъ собраніи за Серпуховскими воротами, постановлено было „бить челомъ государю царю Василью Ивановичу, чтобы онъ государь царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливъ, и города украинскіе, которые отступили къ вору, его государя на царство не хотятъ“. И царь внялъ этому челобитью и царство оставилъ. Вотъ каковы наши революціи. Въ первомъ случаѣ народъ смиренъ былъ царскою слезою, во второмъ случаѣ царь сошелъ съ престола по челобитью народа. Что общаго между этими легкими вспышками и тѣми страшными кровавыми политическими драмами, которыя заканчивались возведеніемъ королей на эшафоты и торжественною казнью ихъ по приговору представителей народа. Умерщвленіе сына Годунова, Ѳеодора, было дѣломъ небольшой шайки, которая должна была скрыть отъ народа свой истинный образъ дѣйствій.

Правда, и у насъ были болѣе значительныя движенія, каковы, напр., бунты Стеньки Разина и Емельки Пугачева. Но знамя, подъ которымъ дѣйствовали эти бунтовщики, показываетъ,

что имъ и въ голову не приходило бороться съ идеей царской власти, какъ она сложилась въ народномъ представленіи.

Гдѣ идетъ борьба, тамъ неизбѣжны вражда и недовѣріе и, какъ ихъ слѣдствіе, стремленіе къ точному опредѣленію и возможно большему ограниченію правъ борющихся сторонъ, съ чѣмъ мы и встрѣчаемся на Западѣ. Въ эпоху господства абсолютизма, западный государь могъ сказать: „государство —это я“, желая этимъ показать, что онъ не потерпитъ посягательства на свои верховныя права со стороны подданныхъ. Въ свою очередь, когда подданные путемъ кровавой революціи захватили власть въ свои руки, они тоже сказали: „государство—это мы“ и отвели государю роль простого исполнителя своихъ повелѣній. У насъ въ до-Петровской Руси, по крайней мѣрѣ на главной аренѣ исторической жизни (Кіевъ, Владиміръ, Москва), не было борьбы за власть въ европейскомъ смыслѣ; вотъ почему у насъ не могли развиться ни вражда, ни недовѣріе между государемъ, какъ представителемъ верховной власти, и народомъ; вотъ почему у насъ и возможно было столь своеобразное соединеніе въ земскомъ соборѣ воли государя и воли народа. Послѣ сказаннаго ясно, что послѣдній фактъ былъ не слѣдствіемъ недоразвитости и незрѣлости формъ нашей государственной жизни, какъ это думаютъ люди, измѣряющіе нашу жизнь на западный образецъ, а явился естественнымъ слѣдствіемъ самобытности нашего народа и своеобразнаго хода его исторіи. Въ основаніи политической системы древней Руси лежало нравственное начало взаимнаго довѣрія между государемъ и народомъ, довѣрія, не исключающаго формально-юридическихъ опредѣленій, вводящихъ во взаимныя человѣческія отношенія точность и опредѣленность, но не позволяющаго мертвящему и опошляющему жизнь формализму взять верхъ надъ началомъ нравственнымъ.

Построенная на этомъ началѣ форма политической жизни, какъ и все исторически созданное, нуждалось въ дальнѣй-

шемъ развитіи и усовершенствованіи; но въ измѣненіяхъ нуждалась форма, а не само начало, которое давало жизнь формѣ и которое должно было оставаться неизмѣннымъ. Самый крупный недостатокъ московскаго правительственнаго механизма состоялъ въ неупорядоченности приказнаго строя, который обусловливалъ пресловутую московскую волокиту. И вообще, отъ невозможности для царя лично слѣдить за дѣятельностью исполнительной власти, въ центрѣ и въ волостяхъ допускались со стороны тогдашней бюрократіи масса злоупотребленій, отъ которыхъ земля, какъ говорится, стономъ стонала. Критика этихъ злоупотребленій, такъ смѣло раздававшаяся на земскомъ соборѣ 1642 г., жалоба, напр., дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ на то, что они разорены „пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ Московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ", показываетъ, что единственнымъ средствомъ для борьбы съ укоренившимся зломъ былъ постоянный контроль со стороны народныхъ представителей, а такой контроль былъ возможенъ лишь подъ условіемъ превращенія земскаго собора въ постоянное правительственное учрежденіе, которое, при наличности Боярской Думы, должно было составить нѣчто въ родѣ отдѣльной палаты депутатовъ. Нужно помнить, что къ концу XVII в. мы встрѣчаемся съ тенденціей эти два учрежденія, прежде сливавшіяся въ одно, превращать въ отдѣльныя палаты—верхнюю и нижнюю; такую тенденцію мы замѣчаемъ, напримѣръ, на соборѣ 1682 г., когда Боярская Дума засѣдала отдѣльно отъ Земскаго Собора.

Итакъ, Земскій Соборъ и Боярская Дума, при высокопоставленномъ надъ ними самодержавномъ царѣ, юридически неограниченномъ, но находившемся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ народнаго разума и народной совѣсти и служившемъ какъ бы совѣстью всѣхъ совѣстей,—

вотъ основа государственнаго строя, который приготовила для Россіи исторія къ концу XVII в.

Въ наукѣ не разъ высказывалось мнѣніе, что съ половины XVII в. значеніе земскихъ соборовъ стало ослабѣвать, а къ концу этого вѣка оно сведено было на полное нѣтъ, такъ что наши старые земскіе соборы умерли якобы своею естественною смертью. Причина же этого явленія объяснялась различно: ее видѣли то во внутреннемъ ничтожествѣ самаго учрежденія, то въ несочувствіи соборамъ высшихъ правящихъ классовъ, не желавшихъ подчиниться ихъ контролю, то въ опасеніяхъ верховной власти за свои права. Намъ нѣтъ нужды останавливаться ни на этомъ мнѣніи, ни на его мотивировкѣ, хотя въ противовѣсъ этому мнѣнію можно было бы сослаться на авторитетный голосъ другихъ ученыхъ спеціалистовъ, думающихъ по этому вопросу совсѣмъ иначе. Въ интересахъ нашей задачи достаточно лишь отмѣтить ту мысль, что когда рѣчь идетъ о старыхъ земскихъ соборахъ, не нужно смѣшивать жизненнаго *начала*, лежавшаго въ ихъ основаніи, и *формы* проявленія этого начала во внѣ. Что земскіе соборы, какъ учрежденіе слабо организованное и вообще недоразвившееся, дѣйствовали не всегда удовлетворительно, что къ концу XVII в. ихъ значеніе было много слабѣе, чѣмъ въ царствованіе Михаила Өеодоровича,—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но другое дѣло, когда поднимается вопросъ о живучести самого соборнаго начала. Наука не имѣетъ ни малѣйшаго права утверждать, что жизненная сила этого начала къ концу разсматриваемаго періода совершенно оскудѣла. Чтобы утверждать противное, необходимо доказать, что ясно сознаваемая раньше народомъ мысль о томъ, что правительство въ государственныхъ дѣлахъ высокой важности обязано совѣщаться со всею землею, съ половины XVII в. стала тускнѣть, а къ концу вѣка совершенно погасла въ народномъ сознаніи. Но этого не рѣшится утверждать ни одинъ вдумчивый ученый.—

Лучшимъ доказательствомъ не оскудѣвавшей живучести соборнаго начала служатъ тѣ самые факты, которые, при извращеніи ихъ истиннаго смысла, обыкновенно даютъ поводъ къ совершенно иному заключенію. Извѣстно, напримѣръ, при какихъ условіяхъ возведенъ на престолъ царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ, а правительницею поставлена была царевна Софія Алексѣевна. Тѣмъ не менѣе, когда дѣло дошло до оглашенія этого факта, правительство нашло необходимымъ выставить этотъ переворотъ актомъ народной воли. Актъ о совокупномъ восшествіи на престолъ Іоанна и Петра Алексѣевичей и о врученіи правленія Софьѣ Алексѣевнѣ, датированный 29 мая 1682 г., написанъ отъ имени цѣлаго собора, на которомъ будто бы присутствовали: „богомолецъ великій святѣйшій Іоакимъ, Патріархъ Московскій и всея Руси и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, и Сибирскіе и Касимовскіе царевичи, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и жильцы, и дворяне изъ городовъ, и всякихъ чиновъ служилые люди, и гости, и гостиныя, и суконныя сотенъ торговые люди и чернослободцы“. Этотъ подлогъ, какъ и всѣ подобные подлоги, къ которымъ правительству не разъ приходилось прибѣгать въ аналогичныхъ случаяхъ, допущенъ былъ не въ интересахъ удовлетворенія требованіямъ одной лишь канцелярской формы, а былъ необходимою уступкою народу, по сознанію котораго, дѣло столь высокой важности не могло совершиться безъ участія выборныхъ отъ всей земли. Словомъ, фактъ этотъ говоритъ не о слабости соборнаго начала, а, наоборотъ, о его силѣ. Слабость его заключалась лишь въ несовершенствѣ его внѣшней формы, что позволяло правительству обходиться безъ земскихъ соборовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по народному сознанію, они были необходимы. Во всякомъ случаѣ идея земскаго собора настолько глубоко коренилась въ народномъ сознаніи, а внѣшняя форма ея проявленія настолько

уже была намѣчена, что правительству, при желаніи, не стоило бы никакого труда доставить ей полное торжество. И если бы жизнь русскаго народа шла своимъ естественнымъ путемъ, органически развиваясь изъ своихъ первооснововъ, если бы будущій реформаторъ Россіи имѣлъ больше историческаго чутья и съ большимъ уваженіемъ относился къ народному быту, то изъ элементовъ нашего стараго права онъ могъ бы создать такую конституцію, которой позавидовала бы тогдашняя Европа. Но въ дѣйствительности вышло нѣчто другое. По очень сложнымъ причинамъ, изъ которыхъ многія коренились въ условіяхъ его воспитанія и вообще въ личной жизни, Петръ В. руководящихъ началъ для своихъ реформъ сталъ искать не у себя дома, а въ чужихъ краяхъ. Превосходство матеріальной культуры на Западѣ, сравнительно высокое развитіе формъ тамошней политической жизни, обусловливаемыя большею историческою зрѣлостью западно-европейскихъ народовъ, до того ослѣпили глаза нашего великаго преобразователя, что онъ потерялъ всякую возможность хоть сколько-нибудь объективно отнестись къ особенностямъ быта своего народа, огуломъ осудивъ въ немъ все на смарку. Крайній радикализмъ Петра Вел. въ его отношеніи къ вѣками сложившемуся народному быту, въ свою очередь, вызвалъ въ народѣ рѣзко отрицательное отношеніе даже къ разумнымъ сторонамъ его реформъ, которыя при другихъ обстоятельствахъ, какъ это показываетъ успѣхъ начинаній его предшественниковъ, несомнѣнно встрѣчены были бы даровитымъ русскимъ народомъ благосклонно. При такихъ обстоятельствахъ Петръ въ своей реформаторской дѣятельности не могъ ожидать поддержки ни въ старой Боярской Думѣ, ни въ Земскомъ Соборѣ. Вотъ почему, поставивъ крестъ и надъ Думой, и надъ Соборомъ, Петръ уже не могъ удержаться на почвѣ старорусскаго *самодержавія*, и выдвинулъ принципъ царившаго тогда въ Европѣ *абсолютизма*. Превратившись изъ царя

въ Императора, онъ заявилъ, что императоръ это есть „самовластный монархъ, который *никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчетъ дать не долженъ*, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, *по своей волѣ и благомнѣнію управлять*". Проводя принципъ абсолютизма послѣдовательно, Петръ поспѣшилъ примѣнить его въ отношеніи къ одному изъ самыхъ священныхъ и самыхъ неоспоримыхъ правъ своего народа. Имѣемъ въ виду несомнѣнное право народа избирать себѣ государя въ случаѣ отсутствія законнаго наслѣдника престола. Указомъ 1721 г. о престолонаслѣдіи Петръ отнялъ у русскаго народа это право и такимъ образомъ рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни поставилъ на путь случайности и произвола. Вырвавъ это право изъ рукъ народа, Петръ, самъ, конечно, этого не подозрѣвая, передалъ его въ руки разнаго рода проходимцевъ, которые и стали управлять судьбою Россіи по своему произволу. Итакъ, самодержавіе сильныхъ народнымъ довѣріемъ московскихъ царей теперь смѣнилось абсолютизмомъ разныхъ Меньшиковыхъ, Бироновъ, Миниховъ и имъ подобныхъ честолюбцевъ, при которыхъ номинальные представители верховной власти нерѣдко играли лишь жалкую декоративную роль. Но такое положеніе дѣлъ долго не могло оставаться. Престолъ властителей огромнаго государства не могъ утверждаться на такомъ шаткомъ основаніи. Попытки отыскать опору престола то въ казармахъ гвардейскихъ полковъ, то въ слабо организованномъ, а поэтому безсильномъ дворянствѣ, тоже не могли дать серьезныхъ результатовъ. А между тѣмъ брешь, образовавшаяся со временъ Петра между царемъ и народомъ, все ширилась, все углублялась. Появленіе на престолѣ такихъ лицъ, какъ, напримѣръ, Петръ III, открыто выражавшій антипатіи ко всему русскому, наполненіе придворныхъ сферъ иноземцами и слѣпая подражательность всему иноземному со стороны лицъ,

окружавшихъ престолъ, повели къ тому, что личный разрывъ Петра съ народомъ перешелъ и на его потомковъ. Только при такихъ условіяхъ могъ появиться на русскомъ престолѣ Александръ I, для котораго интересы Финляндіи, Польши, Пруссіи, даже разорившей Россію Франціи, были понятнѣе, дороже, ближе къ сердцу, чѣмъ интересы русскаго народа, среди котораго онъ скучалъ и хандрилъ и для котораго онъ ничего лучшаго не могъ придумать, какъ вручить его попеченію Аракчеева. Словомъ, раздѣлявшая царя отъ народа брешь, созданная Петромъ, при его преемникахъ превратилась въ цѣлую пропасть, которую нужно было чѣмъ-нибудь заполнить. Но тотъ же Петръ, который положилъ начало этой пустотѣ, самъ же сталъ подготовлять и тотъ балластъ, которымъ она скоро стала заполняться. Имѣемъ въ виду его знаменитую табель о рангахъ, на которой выросла наша бюрократія. Мысль о возможности общенія между верховною властью и народомъ, еще несовсѣмъ, повидимому, угасшая даже при Екатеринѣ II (комиссія для составленія новаго уложенія), позднѣе стала уже совершенно невозможною. Неудавшаяся попытка Грознаго создать опричину, теперь была осуществлена. Соединившись въ отдѣльную корпорацію, члены которой, въ интересахъ успѣшнаго осуществленія своихъ личныхъ цѣлей, связаны взаимной круговой порукой, окруживъ престолъ непроходимою стѣною и опутавъ своими нитями все государство, эта новая опричина, извѣстная подъ именемъ бюрократіи, и составила то „средостѣніе", къ разрушенію котораго теперь направлены силы царя и народа, но которое пока твердо стоитъ на фундаментѣ, заложенномъ Петромъ и сильно окрѣпшемъ въ теченіе своего двухъ вѣкового существованія. Своего высшаго развитія институтъ бюрократіи достигъ съ учрежденіемъ при Александрѣ I никѣмъ извнѣ не контролируемыхъ министровъ. Ставъ почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго Государь можетъ получать свѣдѣнія о жизни народа, эти

очи и уши Государевы, въ свою очередь, свою мудрость почерпаютъ не непосредственно изъ жизни, а изъ той бумажной стряпни, груды которой каждый день изготовляются въ безчисленныхъ канцеляріяхъ, посредственно и непосредственно имъ подчиненныхъ. Особенность свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ этого источника, заключается въ томъ, что они часто являются не имѣющими ничего общаго съ тѣми дѣйствительными фактами, къ которымъ они относятся. Край, населеніе котораго пухнетъ съ голоду, на бумагѣ,—а слѣдовательно и въ докладѣ Государю,—можетъ оказаться благоденствующимъ; суммы государственнаго бюджета на бумагѣ могутъ идти на удовлетвореніе существенныхъ нуждъ государства, на дѣлѣ они будутъ расходоваться на осуществленіе фантастическихъ плановъ донкихотствующаго министра и расплываться по карманамъ исполнителей его воли. При послѣдовательномъ проведеніи системы бюрократизма Государь лишенъ почти всякой возможности разоблачить всю эту бумажную махинацію; а народъ лишенъ даже возможности закричать „разбой", „грабежъ",—ибо за такіе возгласы крикуна могутъ обвинить въ неблагонамѣренности и въ посягательствѣ на ниспроверженіе государственнаго строя. И это обвиненіе будетъ совершенно справедливымъ: если бы всѣ подобные возгласы принимались къ свѣдѣнію и по нимъ производились разслѣдованія, то настоящій бюрократическій строй давнымъ давно былъ бы ниспровергнутъ.

Изъ сказаннаго, надѣемся, ясно, чѣмъ созданный у насъ Петромъ В. бюрократическій абсолютизмъ отличается отъ стараго московскаго самодержавія. И тамъ и здѣсь, какъ и вездѣ, возможно было злоупотребленіе со стороны властей. Но разница та, что тамъ страдающіе отъ этого злоупотребленія граждане имѣли законное право на земскомъ соборѣ устами своихъ выборныхъ закричать, что они разорены „пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ"; современные граждане этого права лишены. Тогдашніе фи-

нансисты, не хуже современныхъ, своей хищнической политикой могли доводить страну до нищеты и разоренія; но тогда народъ не лишенъ былъ возможности добираться до нихъ и производить надъ ними, въ духѣ своего времени, судъ и расправу. Тогда не только какіе-нибудь Плещеевы и Траханіотовы становились жертвою народнаго гнѣва, но и тогдашній премьеръ Морозовъ за свое хищничество могъ лишиться имущества, подвергся изгнанію и только по усиленной просьбѣ самого царя сберегъ свою голову. Теперь не то. Современнымъ намъ премьерамъ особенно безпокоиться о своемъ имуществѣ не приходится, такъ какъ ничто не мѣшаетъ имъ свои милліоны заблаговременно перевести въ иностранные банки. Еще менѣе имъ приходится заботиться о спасеніи своихъ головъ: современная культурная Россія не старая варварская Русь; самое большее, что имъ теперь угрожаетъ,—это выходъ въ отставку съ приличнымъ окладомъ на счетъ того народа, дѣлу разоренія котораго они служили. Въ старой Руси, народъ, когда ему становилось, какъ говорится, не въ моготу, могъ непосредственно обращаться къ самому Царю съ жалобою на своихъ лиходѣевъ, и не напрасно. Царь не сомнѣвался въ вѣрности и преданности своего народа и не колебался вступать въ личныя объясненія даже съ уличною толпою. Теперь только въ оффиціальныхъ актахъ народъ объявляется опорою престола; въ дѣйствительности же онъ считается гнѣздилищемъ всякой крамолы, отъ которой слѣдуетъ держаться подальше. И это не потому, что въ русскомъ народѣ якобы изсякли старыя любовь и довѣріе къ своему Царю, и не потому, чтобы Русскій Царь не хотѣлъ стать въ самое тѣсное общеніе съ своимъ народомъ, а потому, что это общеніе не угодно современной опричинѣ, которая не желаетъ утратить занимаемаго ею теперь выгоднаго положенія. И это понятно: развѣ Государственная Дума, составленная изъ истинныхъ выразителей народныхъ нуждъ, позволитъ какому-нибудь ми-

нистру финансовъ распоряжаться народными милліардами такъ, какъ ими досёлѣ распоряжались; развѣ она допуститъ, чтобы съ нищаго пахаря снимали послѣднюю рубаху въ угоду заводчиковъ и фабрикантовъ, или чтобы народъ держали въ невѣжествѣ для того, чтобы получить возможность тратить милліоны на сооруженіе дорогъ и городовъ въ чужихъ краяхъ; развѣ правильно составленная Дума въ состояніи будетъ примириться съ тѣмъ, чтобы прогнанные съ своихъ мѣстъ и сваленные въ архивъ дармоѣды получали много-тысячные оклады въ то время, какъ трудящійся народный учитель лишенъ возможности каждый день имѣть сносный обѣдъ и т. д.

Изъ сказаннаго, надѣемся, ясно, что раздавшійся въ наши дни неумолкаемый вопль по адресу пресловутаго „средостѣнія“, раздѣляющаго царя отъ народа, направленъ не противъ старо-русскаго самодержавія, а противъ новѣйшаго абсолютизма чиновной іерархіи, которая является чѣмъ-то въ родѣ зловреднаго паразита на народномъ организмѣ. Сообразно съ этимъ и слова манифеста 17 октября, устанавливающаго, „какъ незыблемое правило, чтобы *никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы*, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ (Государя) властей“, имѣетъ своею цѣлью не ограниченіе Царской власти, а, напротивъ, освобожденіе ея отъ замаскированнаго деспотизма бюрократіи, которая только для вида прикрывается авторитетомъ царской власти, въ дѣйствительности же совершенно самовластно распоряжается дѣлами. Понять это не трудно: подносимые для подписи Государя законопроекты теперь истекаютъ изъ того-же источника, изъ котораго получаются и свѣдѣнія о состояніи страны, для удовлетворенія нуждъ которой издаются законы. Отдѣльный ли министръ, или цѣлый Государственный Совѣтъ, выработывая данный

законопроектъ, вмѣстѣ съ тѣмъ устно или письменно указываетъ и тѣ мотивы, которыми онъ руководствовался при его составленіи. Другого источника для уразумѣнія истиннаго положенія дѣлъ у Государя нѣтъ. Голосъ самого народа, для удовлетворенія нуждъ котораго издается законъ, доходить до Государя не можетъ: между Царемъ и народомъ стоитъ непроницаемая стѣна, черезъ которую свѣтъ, освѣщающій истинныя нужды народа, не можетъ проникать въ царскія палаты. Манифестами 6 августа и 17 октября въ этой стѣнѣ впервые прорублено окно. Этими манифестами въ Государственной Думѣ создается органъ, черезъ который Государь дѣйствительно входитъ въ непосредственное общеніе съ народомъ и въ которомъ выборнымъ отъ земли обезпечена возможность дѣйствительнаго участія какъ въ законодательствѣ, такъ и въ надзорѣ за закономѣрностью поставленныхъ отъ Государя властей. Но вопросъ въ томъ, уничтожается-ли этимъ актомъ царское самодержавіе?

При первомъ появленіи манифеста 17 октября вопросъ этотъ, какъ всѣмъ памятно, вызвалъ большое разногласіе мнѣній. Въ то время какъ одни, потрясая красными флагами, вопили: „да здравствуетъ конституція! долой самодержавіе"! другіе, не безъ нѣкотораго смущенія, свидѣтельствовавшаго, что они не особенно тверды въ своемъ убѣжденіи, утверждали, что ничего новаго не произошло и кричали: „да здравствуетъ самодержавіе"! Эта путаница понятій произошла отъ того, что критерія для оцѣнки новаго акта всѣ искали на Западѣ, въ тамошнихъ формахъ государственной жизни, забывая ту истину, что свѣтъ можетъ получиться не только изъ окна. Въ результатѣ такихъ поисковъ получилось нѣчто крайне странное. Одни, находя, что въ манифестѣ 17 октября возвѣщены начала западно-европейскаго конституціоннаго строя, должны были сознаться, что если это и конституція, то во всякомъ случаѣ какая то „куцая", недодѣланная. Другіе, наоборотъ, отрицая присутствіе въ немъ конституціон-

наго элемента, признавали, что все же этимъ актомъ нанесенъ ударъ самодержавію. И все это произошло отъ того, что поиски за разъясненіями обращены были не въ ту сторону, гдѣ ихъ слѣдовало искать. Привыкши все измѣрять на чужой аршинъ, мы забыли, что манифесту 17 октября предшествовалъ цѣлый рядъ изъявленій монаршей воли, въ которыхъ категорически утверждалось, что предстоящія реформы будутъ совершены не иначе, какъ на основѣ вѣками выработанныхъ историческихъ устоевъ. Такъ уже манифестъ 18 февраля, направляя рѣчь противъ „ослѣпленныхъ гордынею злоумышленныхъ вождей мятежнаго движенія", порицаетъ ихъ за то, что они хотѣли бы, „разорвавъ *естественную связь съ прошлымъ...*, учредить новое управленіе страною на *началахъ Отечеству Нашему несвойственныхъ.*" Сообразно съ этимъ, начала управленія, нашему Отечеству *свойственныя,* Государь такъ опредѣлилъ въ отвѣтѣ депутаціи, представлявшейся Его Величеству 6 іюня: „Пусть установится, *какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью,* общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго *самобытнымъ* русскимъ началамъ". Итакъ, основою порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ, по смыслу этихъ словъ, является существовавшее въ старину, но потомъ временно разорванное, единеніе между Царемъ и всею Русью. Вотъ эта то мысль и положена въ основу манифеста 6 августа, которымъ учреждается законъ о Государственной Думѣ, какъ о такомъ учрежденіи, которымъ, должно быть, возстановлено системой бюрократизма расторгнутое единеніе Царя съ народомъ. „Государство Россійское, читаемъ въ этомъ манифестѣ, созидалось и крѣпло *неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ.* Согласіе и единеніе Царя и народа—великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напа-

стей, и является и донынѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ". Но въ старой Руси фактъ единенія Царя съ народомъ выражался въ такой формѣ, которая мирилась съ самодержавіемъ царской власти. Вотъ почему манифестъ 6-го августа, призывая выборныхъ людей отъ всей земли Русской къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ, указываетъ на необходимость сохранить „неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о *существѣ Самодержавной власти*". Въ интересахъ, повидимому, сохраненія неприкосновенности этого основного закона будущая Государственная Дума названа въ манифестѣ установленіемъ *законосовѣщательнымъ*. Но не трудно доказать, что въ этомъ послѣднемъ пунктѣ манифестъ 6 августа уже сходитъ съ стараго историческаго пути и уклоняется въ сторону новѣйшаго послѣ-Петровскаго абсолютизма. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Государственной Думѣ предполагается воскресить забытыя старыя начала нашей исторической жизни, то необходимо допустить, что Дума нашихъ дней, если не по формѣ, то по идеѣ, должна выступить съ правами такихъ старо-русскихъ правительственныхъ учрежденій, какъ Боярская Дума и Земскій Соборъ; а эти учрежденія, какъ мы видѣли, не были учрежденіями только законо-совѣщательными. Боярская Дума, говоритъ извѣстный знатокъ этого учрежденія, проф. В. О. Ключевскій, „является *болѣе чѣмъ совѣщательнымъ* собраніемъ при своемъ государѣ... боярскій приговоръ былъ признанъ *необходимымъ моментомъ* законодательства, чрезъ который долженъ былъ проходить каждый новый законъ" (Боярская Дума изд. 3, стр. 316—317). „Понятіе о законѣ, повторимъ слова проф. Владимірскаго-Буданова, какъ результатѣ *нераздѣльной дѣятельности царя и думы*, доказывается всею исторіею законодательства въ Московскомъ государствѣ". Точно также, „по отношенію правъ соборовъ къ правамъ власти

царя и думы нельзя именовать соборы ни совѣщательными, ни законодательными учрежденіями; соборъ есть учрежденіе *нераздѣльное* съ двумя первыми властями“. Другими словами: Царь и Дума, расширявшаяся, когда это признавалась нужнымъ, въ земскій соборъ, составляя тѣсную органическую связь единаго цѣлаго, являлись необходимыми элементами законодательной власти, т. е. ни Царь безъ Думы, ни Дума безъ Царя, при нормальномъ ходѣ законодательства, законовъ издавать не могли. Въ этомъ именно активномъ участіи подданныхъ, на ряду съ Государемъ, въ законодательной функціи и заключается различіе старо-московскаго самодержавія отъ позднѣйшаго Петровскаго абсолютизма, и отъ аналогичныхъ формъ западной государственной жизни.

Западное государственное право знаетъ двѣ формы монархіи: ограниченную и неограниченную. Въ основаніе такого дѣленія положенъ принципъ рѣзкаго разграниченія правъ воли монарха и воли народа, разграниченія, явившагося результатомъ борьбы двухъ сторонъ между собою. Когда въ борьбѣ брала верхъ воля монарха, получалась монархія неограниченная, когда брала верхъ воля народа, получалась монархія ограниченная. У насъ въ старой Руси не было такой борьбы, а поэтому не оказалось и ея результатовъ. Наша старая Московская монархія основана была на началѣ не борьбы, а *единенія царя и народа.* Современная русская мысль, воспитанная на учебникахъ западноевропейскаго права и невѣжественная въ дѣлѣ пониманія явленій родной старины, не допускаетъ возможности монархіи, основанной не на раздѣленіи воли монарха отъ воли народа, а на ихъ гармоническомъ единеніи, и полагаетъ, что принципъ единенія въ примѣненіи къ данному случаю выдуманъ славянофилами. Но представленный анализъ государственныхъ формъ до-Петровской Руси наглядно показываетъ, что славянофилы виноваты только въ томъ, что они глубоко изучили свою родную исторію, а можетъ быть еще

и въ томъ, что по своему внутреннему строю они лучше были подготовлены къ уразумѣнію тѣхъ явленій народной жизни, которыя покоились на чисто *нравственной* основѣ. Для всякаго, надѣемся, ясно, что принципъ единенія царя съ народомъ, предполагающій наличность довѣрія, могъ получить въ государственно-общественной жизни такое важное значеніе только вслѣдствіе преобладанія въ жизни русскаго народа нравственной стихіи надъ стихіей формально-юридической. Кто бы ни былъ авторомъ манифеста 6-го августа, онъ обнаружилъ глубокое пониманіе самаго духа нашей исторіи, когда внесъ въ текстъ манифеста слѣдующія, выше приведенныя слова: „Согласіе и единеніе царя и народа— великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей"... Это несомнѣнный фактъ, непонятный только для тѣхъ, кто настолько вытравилъ въ себѣ нравственное начало, что потерялъ всякую способность понять его огромное значеніе тамъ, гдѣ оно существуетъ. Люди, признающіе принципъ „святой лжи", никогда не въ силахъ будутъ понять и по существу оцѣнить явленій, порожденныхъ признаніемъ того, что лжи святой нѣтъ и быть не можетъ, а есть только святая истина.

Взгляните теперь съ этой точки зрѣнія на манифестъ 17 октября и вся указанная путаница понятій сразу разсѣется. Сущность этого манифеста заключается не въ перечисленныхъ въ 1 пунктѣ свободахъ, степень примѣненія которыхъ на практикѣ всегда и вездѣ обусловливалась степенью подготовленности общества къ пользованію свободою, а въ его 3-мъ пунктѣ, гдѣ Высочайшею Волею возлагается на Правительство обязанность „установить, какъ незыблемое правило, чтобы *никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы*, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій по-

ставленныхъ отъ Насъ (Государя) властей". Этимъ пунктомъ манифеста несомнѣнно наносится ударъ, но не Царскому самодержавію, какъ оно понималось въ старой Руси, а абсолютизму чиновной іерархіи, высшіе представители которой, будь-то министры или Государственный Совѣтъ,—въ настоящемъ своемъ видѣ—учрежденіе чисто бюрократическое,—съ открытіемъ Государственной Думы, не въ правѣ будутъ представлять на утвержденіе Государя такихъ законопроектовъ, которые не одобрены будутъ выборными отъ народа, какъ истинными выразителями его нуждъ и желаній. Когда говорятъ, что будто бы манифестомъ 17 октября нанесенъ ударъ самодержавію, то тутъ, по нашему мнѣнію, смѣшивается два существенно различныя понятія: власть государя, посвящающаго всю свою жизнь на служеніе своему народу, смѣшивается съ самодурствомъ деспота, думающаго только о насыщеніи гнетушей его страсти своеволія. Нельзя отрицать того, что даже и въ наше просвѣщенное время въ роли государя можетъ появиться человѣкъ, одержимый маніей не только самовластія, но и людоѣдства; онъ, конечно, непремѣнно возмущаться будетъ тѣмъ, что настоящимъ манифестомъ полагается предѣлъ свободѣ проявленія его инстинктовъ. Но такой монархъ не удовлетворится никакимъ манифестомъ, а поэтому и разговоры съ нимъ должны быть другіе: ему мѣсто не на престолѣ, а въ больницѣ для душевно-больныхъ, ибо тѣ времена, когда людоѣдство тирана считалось карой Божіей за грѣхи народа, прошло безвозвратно. Что же касается истинныхъ прерогативъ царскаго самодержавія, то ни одна существенная сторона ихъ отъ настоящаго манифеста не пострадала. Участіе выборныхъ отъ народа въ законодательствѣ и ихъ надзоръ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Государя властей поведутъ не къ ограниченію власти, а къ успокоенію совѣсти Государя, который теперь можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что все, что будетъ дѣлаться въ государствѣ, будетъ

дѣлаться въ интересахъ удовлетворенія истинныхъ нуждъ его подданныхъ, благо которыхъ для него должно быть дороже всего на свѣтѣ. Только при этомъ условіи не на словахъ только, а и на дѣлѣ до основанія разрушено будетъ то средостѣніе, которое вотъ уже два вѣка раздѣляетъ Царя отъ народа и которое являлось доселѣ непреодолимымъ препятствіемъ къ ихъ непосредственному единенію и, слѣдовательно, возстановленію истиннаго русскаго самодержавія. А затѣмъ все остальное останется по-старому. Теперь, какъ и прежде, не Государь будетъ присягать народу въ исполненіи воли послѣдняго, а народъ будетъ присягать исполнять волю своего Государя. Теперь, какъ и прежде, не самъ лично Государь будетъ выработывать законопроекты, а выработывать ихъ будутъ другіе, съ тою однако же разницею, что теперь они создаваться будутъ не въ чиновничьихъ канцеляріяхъ, а въ учрежденіи, составленномъ изъ людей, которымъ народъ довѣритъ право печалованія о его истинныхъ нуждахъ. Не забудемъ, что манифестъ 17 октября представляетъ Думѣ, на ряду съ выработкой своихъ законопроектовъ, право только одобренія или неодобренія законопроектовъ, идущихъ извнѣ; но онъ не представляетъ ей всевластнаго права изданія законовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣшающее слово попрежнему будетъ принадлежать Государю, смыслъ подписи котораго не ограничится значеніемъ простой скрѣпы документа. Истинное, по истинѣ великое значеніе предоставленія Думѣ права одобрять или не одобрять идущіе извнѣ законопроекты состоитъ въ томъ, что это право исключаетъ возможность легкомысленнаго, необдуманнаго изданія законовъ и вообще всякихъ мѣропріятій высокой государственной важности. Разъ законопроектъ отвергнутъ выборными отъ народа, то онъ можетъ стать закономъ не иначе какъ только подъ условіемъ глубокаго, всесторонняго его изученія. Развѣ можно не сочувствовать такому порядку вещей?

Но идемъ дальше. Государь попрежнему остается представителемъ единства государства и властнымъ хранителемъ его цѣлости; онъ попрежнему одинъ будетъ распоряжаться военною силою, опираясь на которую всегда можетъ подавить сепаративныя стремленія областей, угрожающія цѣлости государства, что въ такомъ разностихійномъ въ національномъ отношеніи государствѣ, какъ Россія, имѣетъ существенно важное значеніе.

Нельзя однако-же закрывать глаза на то, что, въ виду этой разностихійности, со стороны Государственной Думы на Россію можетъ налетѣть такая бѣда, какой она въ своемъ прошломъ еще не видѣла. Броженіе нашихъ инородцевъ, давно подготовлявшееся, а теперь выступившее въ такой острой формѣ, показываетъ, какая борьба политическихъ страстей можетъ закипѣть въ Государственной Думѣ, при первомъ же ея созывѣ. Эта опасность была бы не такъ велика, если бы сепаратизмъ инородческихъ элементовъ могъ встрѣтить дружный отпоръ со стороны представителей господствующей русской народности, составляющей $^{2}/_{3}$ населенія всей страны, исторически призванной охранять цѣлость государства, созданнаго потомъ и кровію русскаго народа. Но при настоящемъ положеніи вещей на это едва-ли можно серьезно разсчитывать. Наша интеллигенція, которая естественно, казалось бы, должна стать на стражѣ интересовъ своего народа, являться истолковательницею и защитницею его духовныхъ стремленій, его идеаловъ, въ значительной части своего состава давно порвала всякую съ нимъ связь, утратила чувство національности и патріотизма и, лишенная историческаго чутья, разбилась на политическія партіи, часто до того враждебныя, что люди готовы, какъ говорится, переѣсть другъ друга. Этому много способствуетъ господство въ наши дни матеріалистическаго соціализма, готоваго принести въ жертву мамонѣ все, что есть святого, дорогого, словомъ все истинно цѣнное въ жизни человѣка,—со-

ціализма, пытающагося даже христіанскую Церковь съ ея высоко-идеальными задачами сдѣлать орудіемъ своихъ грубо скрываемыхъ весьма не идеальныхъ стремленій. Не удивительно поэтому, что въ наши дни въ одномъ лагерѣ съ заклятыми врагами русской народности можно встрѣтить такихъ людей, предки которыхъ, дѣйствуя подъ стягомъ созидателей русской земли, вели свой народъ къ его благополучію, могуществу и славѣ. Вообще трудно ожидать, чтобы наша интеллигенція могла явиться въ Думѣ истинною представительницею своего народа и занять тамъ подобающее ей доминирующее положеніе. Что же касается выборныхъ отъ народа въ точномъ смыслѣ слова, то, въ виду ихъ темноты и полной политической невоспитанности, ихъ легко можно будетъ заманить въ любой лагерь соблазнительной приманкой въ родѣ, напримѣръ, обѣщаній аграрныхъ реформъ въ духѣ крайняго радикализма. Принимая все это во вниманіе, легко понять тѣхъ нашихъ искреннихъ и горячихъ поборниковъ русскихъ народныхъ интересовъ, которые, отчетливо представляя грозящую нашему государственному организму опасность, чтобы ея избѣжать, готовы отказаться даже отъ манифеста 17 октября. И едва-ли можно осуждать ихъ за это. Но, съ другой стороны, для того, кто убѣжденъ, что безъ началъ, извѣщенныхъ въ этомъ манифестѣ, невозможна побѣдоносная борьба съ абсолютизмомъ бюрократіи, кто ясно понимаетъ, сколько зла русскому народу въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ пришлось претерпѣть отъ основаннаго на системѣ бюрократизма правительственнаго режима, тотъ едва-ли рѣшится отказаться отъ правъ, дарованныхъ народу въ этомъ манифестѣ. Вотъ уже 200 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Западная Европа широко распахнула свою дверь передъ Россіей, доставивъ ей возможность пользоваться благами своей культуры. А загляните-ка теперь, въ началѣ XX вѣка, въ русскую деревню и скажите по совѣсти, много-ли этихъ благъ перепало на ея долю. Ничего,

кромѣ развѣ заразительныхъ болѣзней, разъѣдающихъ и безъ того захудалый нашъ народный организмъ. А вѣдь деревенскій людъ составляетъ 90 процентовъ всего населенія страны; онъ, въ сущности, и есть настоящая Россія. Мы старую Московскую Русь привыкли считать страною мрака и невѣжества. Но по подсчету, сдѣланному академикомъ А. И. Соболевскимъ, процентъ грамотныхъ людей въ этой Руси, поднимаясь по отношенію къ нѣкоторымъ общественнымъ группамъ до 80, въ крестьянскомъ классѣ не опускался ниже 15. А между тѣмъ общій процентъ грамотности собственно *русскаго* населенія страны по послѣдней переписи равняется только 18,58. Вообще же, образованность нашего крестьянства въ послѣ-Петровскую эпоху, по словамъ того же ученаго, благодаря сокращенію элементарныхъ школъ и крѣпостному праву, „не возвысившись качественно, понизилась количественно". Это же слѣдуетъ сказать и относительно экономическаго состоянія нашего низшаго класса. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ слѣдующій выводъ, полученный путемъ сравненія предметовъ убранства, которыми украшаетъ себя современное населеніе Минской губерніи съ такими же предметами курганной эпохи. „Оказывается, что курганные предметы по своему матеріалу цѣннѣе, но по формѣ разнообразнѣе, затѣйливѣе, а иногда даже изящнѣе", изъ чего видно, „что въ экономическомъ отношеніи населеніе этого края въ курганную эпоху находилось въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ современное". И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: развѣ можно думать о предметахъ роскоши тамъ, гдѣ, уже начиная съ Пасхи, народъ въ проголодь питается только плохимъ хлѣбомъ и квасомъ. Загляните въ наше захолустье и тамъ вы встрѣтите множество такихъ деревень и поселковъ, въ которыхъ нѣтъ ни школы, ни Церкви, ни фельдшера, въ которыя даже урядникъ заглядываетъ только попутно, чтобы накормить на общественный счетъ свою лошадь.

Когда знакомишься съ этими, Богомъ и людьми забытыми уголками нашего отечества, невольно ставишь себѣ вопросъ: да чѣмъ же бытъ этихъ людей отличается отъ быта ихъ предковъ эпохи св. Владиміра или Ярослава Мудраго? Онъ отличается только тѣмъ, что эти отдаленные предки наши, при меньшихъ государственныхъ поборахъ, пользовались гораздо большею свободою въ дѣлѣ пользованія естественными богатствами своей страны. Теперь та же темнота, но за то гораздо больше нищеты. И это въ государствѣ, гдѣ годовой бюджетъ исчисляется не милліонами, а милліардами. Вообще страшно становится, когда подумаешь, какъ мало даетъ народу та гражданственность, которая создана его мозолистыми руками и поддержаніе которой такъ дорого ему стоитъ. Но въ то же время легко понять, что при такомъ строѣ, который открываетъ широкій просторъ для своеволія всевластной бюрократіи, иначе и быть не можетъ. Вспомнимъ, сколько народнаго добра непроизводительно затрачено на всевозможныя распутства только одними временщиками XVIII вѣка. Не трудно представить себѣ, какіе проценты получались бы съ этого капитала, если бы хоть часть его употреблена была на народное образованіе. Но сущность зла, конечно, не въ капиталѣ, а въ государственно-общественномъ строѣ, отдающемъ живое дѣло въ руки мертвыхъ чернильныхъ и бумажныхъ душъ, которыя меньше всего способны думать о живыхъ людяхъ. Нѣтъ, разъ этому строю нанесенъ ударъ съ высоты престола царскою рукою, то желать возвращенія его было бы преступленіемъ.

Что же касается опасенія за то, что вновь учреждаемая Государственная Дума, надѣленная, хотя и въ слабой степени, законодательной функціей, можетъ стать ареной безсмысленной борьбы политическихъ страстей, что инородцы, соединившись съ нашими отечественными космополитами, постараются дать направленіе нашей политикѣ, не согласное съ истинными интересами русскаго народа, то это опасеніе

слѣдуетъ признать серьезнымъ, хотя и не могущимъ повлечь за собою какихъ-нибудь роковыхъ послѣдствій. Прежде всего нужно помнить, что въ рукахъ Верховнаго Вождя русскаго народа останется еще достаточно власти и силы, чтобы положить предѣлъ всякимъ безумствамъ, если бы таковыя проявились. Затѣмъ, опытъ показалъ, что нашъ старый строй не только не ослабилъ сепаратизма инородцевъ, но, какъ показали событія послѣднихъ дней, лишь способствовалъ его укрѣпленію и развитію. И это понятно: внѣшнія, чисто механическія мѣропріятія никогда не въ силахъ остановить внутренней, скрытой работы. Давнымъ давно сознано, что успѣшная борьба съ сепаратизмомъ инородческаго элемента возможна у насъ только подъ условіемъ культурнаго преуспѣянія центра. А между тѣмъ этотъ центръ, погруженный въ вѣковой летаргическій сонъ, доселѣ не могъ проявить жизнедѣятельности, хоть сколько-нибудь соотвѣтствующей его могучимъ, но пока все еще дремлющимъ силамъ. И вина за это должна пасть не на нашъ даровитый, патріотичный, глубоко-религіозный народъ, всегда готовый проснуться отъ своей спячки, а на тѣ условія, которыя держатъ его въ темнотѣ и нищетѣ. Но измѣненіе этихъ условій невозможно до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться нынѣшній бюрократическій строй: ибо сущность зла въ данномъ случаѣ не столько въ людяхъ, сколько въ системѣ, которая уродуетъ самыхъ лучшихъ людей и дѣлаетъ ихъ неспособными къ живой, плодотворной дѣятельности. Измѣните эту систему, пробудите народъ искреннею заботою о немъ отъ его многовѣковой спячки, помогите ему осмыслить все то духовное богатство, которое пока безсознательно хранится въ нѣдрахъ его духа, развейте въ немъ сознательное отношеніе къ тѣмъ высшимъ, полнымъ глубокаго альтруизма идеаламъ, которые онъ пока болѣе инстинктивно чувствуетъ, чѣмъ сознаетъ, словомъ, помогите ему сознать себя народомъ великимъ, призваннымъ къ огромной,

всемірно-исторической роли, и увидите, какъ легко онъ справится съ тѣми задачами въ отношеніи къ инородцамъ, рѣшеніе которыхъ при современномъ положеніи вещей для насъ непосильно.

Во избѣжаніе возможныхъ неточностей и естественно порождаемыхъ ими недоразумѣній, въ заключеніе всего сказаннаго позволимъ себѣ твердо установить слѣдующія положенія. Если манифестъ 17-го октября разсматривать безотносительно, то въ его 3-емъ пунктѣ, не смотря на всю неопредѣленность употребленныхъ здѣсь выраженій, легко можно найти указанія на ограниченіе власти самодержавнаго Государя въ духѣ западно-европейскаго конституціонализма. Но при такомъ освѣщеніи, этотъ манифестъ окажется въ прямомъ противорѣчіи, съ одной стороны, съ другими, непосредственно предшествовавшими ему актами изъявленія монаршей воли, съ другой стороны—съ духомъ началъ старо-русскаго государственнаго строя, на возстановленіе которыхъ прямо указывается въ названныхъ актахъ. Для устраненія такого противорѣчія, на манифестъ 17 октября необходимо смотрѣть, какъ на дальнѣйшее развитіе началъ, ясно и точно формулированныхъ въ предшествовавшихъ ему аналогичныхъ актахъ и, въ частности, въ манифестѣ 6-го августа. При такомъ освѣщеніи, 3-й пунктъ манифеста 17 октября получитъ слѣдующій ясный и совершенно опредѣленный смыслъ: этимъ пунктомъ устанавливается, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, насколько эта „сила“ зависитъ не отъ самодержавной воли Государя, а отъ другихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, какими въ настоящее время являются Государственный Совѣтъ и Министерства—учрежденія чисто бюрократическія. Другими словами: отнынѣ ни Государственный Совѣтъ, ни отдѣльный министръ не могутъ представлять на благоусмотрѣніе Государя для окончательной высшей санкціи никакого

законопроекта, пока онъ не будетъ разсмотрѣнъ и одобренъ Государственной Думою. Что-же касается правъ Государственной Думы въ отношенiи къ Самодержавному Государю, то они могутъ быть выражены такъ: манифестомъ 17 октября на Государственную Думу возлагается обязанность активнаго участія въ выработкѣ законопроектовъ, но ей не предоставлено права рѣшающаго голоса, превращающаго проектъ въ законъ. Такое право принадлежитъ только Государю. Дума, помимо воли Государя, издавать законовъ не можетъ. Выходя изъ этой точки зрѣнія и принимая во вниманіе все вышесказанное, по данному вопросу можно установить рядъ слѣдующихъ положеній. 1) Манифестомъ 17 октября отмѣняется абсолютизмъ Императорской власти и призываются къ жизни временно забытыя начала истинно-русскаго самодержавія. 2) Различіе между этими двумя формами верховной власти заключается въ томъ, что самодержавіе требуетъ непосредственнаго единенія Царя съ народомъ, тогда какъ Императорскій абсолютизмъ помѣщаетъ между Царемъ и народомъ цѣлый институтъ чиновной іерархіи, которая неизбѣжно, въ силу своего положенія, узурпируетъ права верховной власти и этимъ подрываетъ начало законности въ самомъ его основаніи. 3) Государственная Дума, если ее разсматривать по аналогіи съ соотвѣтствующими ей старо-русскими учрежденіями, то есть Боярской Думой и Земскимъ Соборомъ, не можетъ быть названа учрежденіемъ ни законосовѣщательнымъ, ни законодательнымъ въ точномъ юридическомъ смыслѣ: Думу правильнѣе всего назвать учрежденіемъ *вспомогательнымъ* при самодержавномъ Государѣ, чрезъ которое послѣдній осуществляетъ свою законодательную функцію и которому принадлежитъ право контроля надъ представителями власти исполнительной. 4) Права Государя, какъ представителя верховной власти въ государствѣ, въ отношеніи къ Государ-

ственной Думѣ никакими внѣшними формально-юридическими обязательствами не ограничиваются, а опредѣляются довѣріемъ къ нему, какъ лицу высокостоящему внѣ всякихъ партій и частныхъ интересовъ и не имѣющему побужденій свою пользу, свою честь и славу отдѣлять отъ пользы, чести и славы своего народа. 5) Государь является полновластнымъ оберегателемъ государства отъ внѣшнихъ опасностей и хранителемъ его внутренней цѣлости и недѣлимости, для чего въ его распоряженіи находится армія на правахъ неограниченнаго командованія ею.

